

18+

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

ПИСЬМА

ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

Антология любви

Ринат Валиуллин

Письма из одиночества

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Валиуллин Р. Р.

Письма из одиночества / Р. Р. Валиуллин — «Издательство АСТ», 2020 — (Антология любви)

ISBN 978-5-17-118848-1

Бич человечества – это одиночество, и с каждым годом он будет хлестать все сильнее. Как бы много люди ни общались в виртуальном пространстве – оно отдаляет, все меньше сам мир нуждается в людях. Одиночество – это не выбор, это естественный отбор. Технологии отбирают у людей все живое общение, общество и государство – все душевное. Они уже проникли в людские желания, сегодня предугадывают их, а завтра намерены диктовать. Человеческого в людях все меньше. Знаете, что держат люди за обедом вместо хлеба? Телефон. Из всех расставаний самое чреватое на сегодня – расставание с телефоном. Но вся беда в том, что у главного героя романа, юноши, запертом в одиночестве навсегда, нет даже телефона – только совсем небогатый жизненный опыт, несколько писем и огрызок надежды, что он еще сможет когда-нибудь увидеть свет. Роман, полный печали, тревоги и большого мужества. Основан на реальных событиях. В книге использованы письма автора.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118848-1

© Валиуллин Р. Р., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

1 час(ть)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ринат Валиуллин

Письма из одиночества

© Валиуллин Р., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Люди сделаны из одиночества еще в утробе, потом уже, выйдя в свет, мы пробуем всех на вкус, пытаюсь понять, с кем одиночество вкуснее.

Здравствуйте дорогие
мама и Папа.

Был я далеко от вас, а теперь
еще дальше — всего 7 км от Нор-
вежской границы, за Мурманс-
ком. Здесь еще январь — лето
в самом разгаре (листья распусти-
лись лишь 3 недели назад), солнце
закат за горизонт лишь на
пару часов.

Служить начинаю ровно через
несколько после призыва, до этого
совершил «интересное» турне
по северным гости страны

Ленинград — Пушкин — Ленинград —
Петрозавооск — Мурманск — Титовка
К сомапенчу войско морской
пехоты ~~к~~ 22 июня были пол-
ностью укомплектованы, и я попал
водителем в артиллерию. Со

мною призывались в основном
студенты (после I E курса)

Ребята интересные, уличные, веселые,
разные. Всех разбросало по
Кольскому полуострову кому-то —
мне Титовка. Миниатюрная ^{воен.} часть
(17 человек до меня) освоюсь, ~~о~~ письму
подробнее я думаю, что письма
будут почти долго, так что радуй-
те ^{меня} мне ожидаясь ответ.

В столовой госпиталя я не спеша разбираю суп из вермишели и курицы, вылавливая мясо. Вместо хлеба я держал книгу.

– Меня тоже уже тошнит от этого супа, – усмехнулся рядом со мной чей-то недовольный голос, когда поднос незнакомца совершил жесткую посадку на стол, за которым сидел я. Приборы звякнули, их хозяин приземлился рядом.

– То ли дело дома. Мама такой борщ готовит – пальчики оближешь. – Он сломал хлеб и начал довольно лихо опустошать тарелку.

Я ничего не ответил, только улыбнулся вяло в ответ, не отрывая взгляда от книги. Книжку нашел в тумбочке в своей палате, видимо, кто-то оставил для следующих поколений. Это был фантастический роман, в котором землю поразил неведомый вирус власти.

С неба упал слон. Пять тонн африканского мяса. Рано утром прямо в сердце города, на центральную площадь одной независимой республики. Она еще никогда не видела столько тела: туша разлетелась на многие километры, горячая кровь хлынула по улицам, в соседние города и страны... Правительство в панике, оно не знает, как убрать с улиц такое количество плоти, которая неожиданно вдруг задыхалась и пришла в движение. Против слона были брошены военные силы. Кровавое пролитие. Через несколько дней кабинет подает в отставку, понимая, что ситуация вышла из-под контроля, спешно покидает страну вместе с президентом. Слон тем временем полностью оклемался, встал, отряхнулся, собрал парашют цвета национального флага и рассредоточился по своим делам. Никто не знает точно, откуда он взялся и куда делся, говорят, что позже его видели в других странах.

– Я – Батя, тебя как зовут?

«Мать» – захотелось ответить мне, когда я оторвал глаза от книги и увидел сытое ленивое лицо.

– Фолк.

– Фолк?

– Да.

– Странное имя.

– Народ значит, по-английски, – не стал я объяснять, что на самом деле это производная от Федор Волков. Не было никакого желания продолжать пустую беседу о том, кто где служит и кому сколько осталось.

– А, – отстал от меня дембель.

Я снова вернулся к книге, как к мысли, от которой пахло чем-то знакомым.

Закат убивает красотой тысячи людей, ему скучно умирать одному.

Корабль стоял на рейде в руках уходящего в завтрашний день солнца. Море пощечинами выражало ему свои чувства, оно не умело по-другому. Прозрачное, цвета индиго, небо не предвещало ничего особенного, если не считать чаек, которые взяли весь этот чудесный день в кавычки своих тел, они нарезали воздух на невидимые лоскуты и кричали, будто пытались сказать: не верьте, это все иллюзия – бродячая собачка вашего воображения. Мир кошмарен, еще кошмарней, чем война, он мучает, прежде чем убить, он любит, прежде чем кого-то другого, он съедает, прежде чем выплюнуть.

Суббота. Военный корабль покачивался гренкой у берегов тарелки с рыбным пересоленным супом Тихого океана. Большая часть офицерского состава вышла на берег в увольнение, в нашем кубрике матросы праздновали день рождения одного из старослужащих, ели жареную картошку с тушенкой и пили заранее купленную водку. Водка всегда вызывала не только тревогу, но и массы.

– Ну и вонь. Что за х...?

– Кто наблевал в кубрике?

– Алекс, ты, что ль? – увидел он на койке мертвое тело своего друга, лежавшее с открытым ртом, будто отверстие хотело что-то изречь, но все слова вдруг превратились в длинную липкую слюну и потекли на пол.

Рядом растеклось бурое болото извергшейся из чрева лавы, блевотина всегда вызывает чувство отвращения, независимо от содержания, ее кислый запах лез в нос, как будто Алекс выплюнул банку протухших помидоров, которая стрельнула после долгого хранения в подвале желудка. Теплая и навязчивая, она прилипла к полу как оскорбительное высказывание, позволятельное только в пьяном угаре.

– Сука, Алекс! Говорил тебе – закусывать надо!

– Дневальный! Где дневальный? Сюда его, быстро!

– Кто сегодня дневальный? – продолжал орать Бледный (так между собой звали старшину нашего отделения, именно это прилагательное выплывало из подсознания при виде его лунного, поглощающего свет лика). Было у него и еще одно прозвище – ФБР, которое он приобрел за инициалы (звали его Филькин Борис) и которым бесконечно гордился. Бледный пользовался непререкаемым авторитетом, он готовился к дембелю, и те, кто хоть как-то зависел от него или искал этой зависимости, звали его ФБР. Не было в Борисе никакой красоты, но и уродства тоже не было, человек с никакой внешностью, будто повернулся к миру тыльной стороной своей личности, устремив взгляд в себя, вовнутрь, высматривая в потемках душу. – Кто сегодня дневальный?

– Фолк, – ответил вездесущий Колин.

– Сюда его быстро.

Фолк – это был я. Я сидел с книгой вдали от праздника. Колин (один из моих друзей по призыву) подбежал ко мне, как почтальон со срочной телеграммой, в которой написано: «Срочно выезжай, дедушке плохо».

Я вырвал из книги последний абзац:

«Люди – как комнаты, некоторые готовы и сдаваться, и сниматься, лишь бы любили, другие же не сдаются и не снимаются, потому что не хотят жить в беспорядке». Она относилась к последним, но в этот вечер ей ни в коем случае не хотелось оставаться одной. «Но тогда с кем?» – перебирала она в голове, потягивая мартини. Одной голове было известно, как легко перебраться, пока перебираешь, с кем скоротать вечер, потому что всякая женщина делает это с прицелом на жизнь.

С трудом отобрал взгляд у книги и отдал его ненадолго Колину, а чуть позже – ФБР.

– Где тебя носит, душара? Ты че за порядком не следишь? Бегом здесь все убрать. Видишь, дедушке (вновь призванных, таких, как я, в армии звали духами, дедами звали старослужащих) плохо?

Именинник извергся вулканом и затих, тело обмякло, как старая простыня, волосы сбились, и уже не знали, куда им расти, часть лица стекла и образовала лужу. Сейчас он действительно был похож на младенца: влажного и липкого, рожденного на свет в сапогах и тельняшке, разве что не кричал, а что-то бормотал себе под нос, что-то невнятное и вонючее.

– Не буду, – вырвалось у меня бессознательно.

– Совсем охренел, что ли? Быстро схватил ведро, швабру и вперед, пока я добрый.

Глядя на эту темную осеннюю лужу, без фантазии, без отражения, уже точно знал, что не буду ее убирать. Осень я и вправду не любил: слякоть, скука, небо неделями не меняет белья, грязь, которая волочится за тобой повсюду, целует твои ноги, оставляя на них следы коричневой помады, только бы ты взял ее с собой в дом, жижу свежавыжатого сока земли, отдаленно напоминающую эту массу на полу. Разве что та не пахнет, хотя кто ее нюхал?

– Повтори, что ты сказал?

– Я не буду.

– Никакого уважения к старослужащим, – вздохнув, кинул он тень усталости зрителям партера и злоратно ухмыльнулся своему внутреннему миру.

Я снова нырнул взглядом в лужу (какое-то странное любопытство тянет повторно взглянуть на мерзость, отрывая взгляд от уродства, ты непременно бросишь его туда еще раз), в этот момент влажная тряпка ладони, полной горечи, влетела в мою скулу. Щека вспыхнула огнем, но в глазах потемнело. Из внезапно налетевших сумерек показались довольные черепа зрителей с дымящимися сигаретками. Стену хохота, вставшую между мной и остальными, разрушил голос Бледного:

– Ты что, в карцер (карцером здесь назывался железный ящик для торпеды, будто специально созданный под размеры человека среднего роста. Наказание было не для слабонервных, я в него забирался, конечно, но меня там никогда не закрывали, даже раздирало любопытство) захотел?

– Мне все равно, блевотину убирает блюющий, – про себя подумал: «В карцер, так в карцер, заодно и себя испытаю, и поплюю», очень хотелось прилечь.

– Духи совсем оборзели, – обратился Бледный к обществу, выпрашивая поддержки. Общество поддержало, и я чуть не рухнул от удара чьей-то ноги в спину:

– Может, отделать его для начала, чтобы другим неповадно было?

– По лицу не бейте, потом говна от командира не оберешься... – подписал приговор ФБР, но спустя мгновение изменил меру пресечения: – На х... , не будем руки марать, не будем портить праздник, посадим его в карцер. Пошли, дух, раз такой смелый. Посмотрим, как ты запоешь через два часа. Ключ от склада будет у меня, – прощался ФБР, – так что на своих дружбанов даже не надейся.

Здравствуйте Дорогце мои!

Как поживаете? Я-то как? Я умираю
но сами знаете служить нужна везде,
да! и везде - кардинал. Нагались курсы,
воинения - да обеса углился, не, всегда,
конечно: разбивают нам урочки, стрессов, спо-
тивной, разной другой подготовкой, при-
ного мало, кабы отрывают от одного
бросают в другое дабы занять занято.
наше свободное время которого и
без того мало. Но: 1) нагальник всегда
прав, 2) если нагальник не прав - смистри
пункт 1) (основной закон Советской Армии)
ну кто-то знает местные законы
Ц) вообще складывается такое впечат-
ление, что сейчас я в строю
неким молоденьким - рабработником;
играю шестра - ~~воиния~~ - ~~сформирован~~
страхушим. В 16⁰⁰ ~~встранивать~~ все ~~в~~ ~~в~~
если их можно так ~~набрав~~, и ~~откр~~
бснно ~~не~~ ~~стесняясь~~ ~~раскаждат~~ на ~~ка~~.
радость не объектно, ~~престине~~ ~~там~~
да быта не ~~тешилось~~, ~~лишь~~ ~~трусилось~~
(физически)

Мамочка, Папочка, как только пойма-
тыт Альберт снимитесь на фото для меня. Я
был бы рад, приятно пообщаться на
робные ~~тво~~ урочки

4 минуты умотня
О мамочка-мать
Я мыслю ~~к~~ к тебе ~~улетают~~
еще ~~существо~~ мне ~~2~~ ~~тво~~ ~~скута~~,
Но ты всегда рядом, я знаю

Жить здесь можно, даже вполне
главное говорят привыкнуть, а это
придет со временем.

Вотану настоящим водителем (после
курса бугеня, который закончили
в конце сентября), отров
весьма постоянное место службы -
в Титовку. Там есть автобаз, на
базе Зимы местное командование
намерено выкупить меня еще и
на крановика, так что, малю
где-нибудь Зимой, мя с тобой, станем
крановиками, крановиками, правда спе-
цифика несколько другая, но все же.
Срок бугеня месяца 3. Вот такое
мне пока предрекали будущее, посмот-
рим.

Как были дела? Чем занимаетесь?

Жаль только письма долго идут,
сегодня получила первенец из Пурисина,
приятно.

Папа! Поздравляю тебя с Днем
рыбака! Мама! тебя также с
праздником, нелегко быть мамой рыбака
Арктика привет д. Камару, г. Нурме, Лине
д. Марсу, т. Голь, Роберту, Ильдару, Роберту, д. Яши
т. Голь, Ильдару, если я еще дома, всецело
всем нашим родным и близким миг-
но

10. 7. 88 Счастья!
Ваша ^{целую} сестра Ринат

1 час(ть)

Я не страдал клаустрофобией, но металлический кафтан был сшит как на заказ, там совсем не оставалось свободного пространства, его крышка в напутствие обдала меня волной воздуха, едва не коснувшись лба какой-то внутренней перегородкой. После того как футляр сомкнул губы, замки огрызнулись, на глаза наступила ночь своими грязными пятками. Темнота легла черным покрывалом, хоть закрывай глаза, хоть открывай – ни звезды. Я почему-то вспомнил «человека в футляре», стало даже смешно и не так одиноко. Говорили, что воздуха должно здесь хватить на 3–5 часов, никто точно не знал этого, меня закрыли всего на два, а это не так уж и много – всего одна пара и еще полчаса. Вот она, тишина, наконец-то теперь можно поспать спокойно. Спать, спать, какой кайф. В одиночестве скрывается какой-то глубокий смысл, возможно, даже спасение души (душа – это то, что все время нуждается в спасении), для тех, кто понимает, в армии, как нигде, я научился его ценить. В одиночестве нет более понятного собеседника, чем ты сам.

* * *

Я проснулся в гробу, гроб стоял в Колонном зале, играл траурный марш и пахло лилиями, нескончаемым потоком тянулись люди. Они возносили венки, на которых золотым по черному было написано: «Фолк Индепендент умер в самом расцвете, вечная память ему, вечная слава мученику, вечная райская жизнь». Черным батистовым хвостом попрощаться выстроилась очередь из близких и далеких, родственников и общественников, женщин в платках ночи и мужчин с лицами цвета хаки, они подходили, кто-то говорил несколько слов, кто-то молча, кто-то касался руки, кто-то целовал в щеку. Я им тоже что-то отвечал высохшими губами, даже пытался подняться, но меня останавливали, говорили: «Все будет хорошо, спи спокойно, спи спокойно, дорогой Фолк».

Подошла мама, я никогда не видел столько слез на ее лице, это было похоже на горький ливень. Оно – как поле бессонной битвы: брошены веки, спущены мокрые знамена зрачков, в них утрата, поле покрыто телами убитых роинок, седые леса висков, воронка дрожащих губ, над ней влажная высота носа, казалось, погибла сама сущность материнской жизни. Бой заканчивается, когда больше некого убивать. Она обняла меня и начала целовать в щеки и губы со словами:

– Извини, сынок, не уберегла я тебя. Прости. Здесь я не выдержал:

– Мама, что происходит? Почему ты плачешь? Но она уже не слышала меня, отшатнулась и потеряла сознание, двое молодых людей в черных костюмах с траурными лентами на руках подхватили ее и унесли.

– Мэри! Что это? Что за маскарад?

– Твой похороны, – ответила она высохшей розой губ. – Я сама не знаю, почему тебя решили похоронить. Сказали, что лучше об этом не спрашивать.

– А где Бледный?

– Не знаю, наверное, он остался на корабле. Затем подходили члены правительства, другие официальные и неофициальные лица.

Подошел Колин с жалкой миной:

– Чувак, извини, я не виноват. Просто я испугался.

Здесь я увидел Бледного, он нес венки с бантом из Георгиевской ленты, и, казалось, был еще бледнее чем прежде:

– Я не думал, что ты так быстро, мы уснули, а потом было уже поздно. Ты же сам виноват, я же тебя как человека просил.

«Странное дело, – подумал я, – в момент просьбы все мы люди, а если откажем – сразу переходим в разряд кого угодно, но только не людей».

Остальные лица слились с грустью стен, некоторые из них мне казались знакомыми и даже приветливыми, хотелось помахать им рукой, но руки затекли, затекли куда-то под туловище, толпа постепенно редела, и, наконец, гроб с начинкой из моего тела погрузили в катафалк.

* * *

Чертовщина какая-то. Минуты две я лежал с открытыми глазами, пытаюсь понять, к чему бы такие сны, мне даже показалось, что я выспался, как никогда не удавалось за последние несколько месяцев. Руки были в крови, которая застоялась и покалывала булавочками, будто бы я их отлежал. Я начал усиленно сжимать и разжимать пальцы, чтобы она пошла дальше. Сколько же прошло времени? Думаю, где-то час, значит, еще есть время поваляться или поспать еще немного, пока меня не выпустят. Интересно, кого заставили убирать это пахучее болото, наверное, Колина, он обычно оказывался самым крайним и доступным для таких маневров, после пары оплеух или даже без них. Слабоват чувак, малохольный какой-то, хотя и безобидный.

Тишина... И я постучал по стенке ящика, будто проверяя первую на вшивость, смогу ее спугнуть или нет? Она вышла ненадолго, но сразу же вернулась, потом крикнул: «Гондоны, выпустите меня отсюда!», и сам чуть не оглох от такой смелости. В ящике и вправду стоял какой-то презервативный запах, похоже, это резиновая прокладка так надыхала. Тишина – способна ли она утомить? Пожалуй, что нет, ею можно накрыться, как одеялом, она, конечно, не согреет, но создаст уют, если ты способен ее выносить, пока не закричишь: «Вынесите, пожалуйста, отсюда эту тишину, она уже сдохла и воняет!». В основном люди боятся ее и гонят, люди всегда пытаются избавиться от тех, кого боятся, я сразу вспомнил своего соседа по общежитию, с которым жил еще на первом курсе, пока я не снял себе отдельную комнату. Он не переносил тишины и, возвращаясь домой, сразу включал комп или телек, утверждая, что именно это позволяет ему расслабиться полностью, что отсутствие звуков его угнетает, что именно шумы создают ту картину мира, которую мы наблюдаем. Отчасти он был прав: каждый имеет право на свой шум, на свой рок, на свою классику или джаз, на свою стену от других, выстроенную с такой легкостью, нажатием одной кнопки, невидимую, как и ту, что сейчас окружала меня, я мог ее только нащупать пальцами. (Музыка всего лишь шум, который извлекли так, чтобы он нам понравился, книги – всего лишь буквы, которые собрали так, чтобы они залипли в нашем мозгу, фильмы – всего лишь картины, в которых сняты те, кого мы хотим видеть.) Но пальцам постоянно надо что-то щупать, мои в данный момент точнее было бы назвать щупальцами. Сейчас они ощущают прохладную внутренность ящика, стенки без окон. Да, вот окна здесь, конечно же, не хватает, можно только представлять, что происходит вовне, который час, и когда уже ужин. Взгляд окна сосредоточен на внешнем мире, оно упорно смотрит в одну и ту же точку: утром, днем, вечером, всем бы такую концентрацию внимания, осознать смысл жизни с одного пейзажа, но человеческий взгляд другой: глаза бегают, врут, притворяются, заискивают, в моих сегодня был испуг, Бледный любит, когда его боятся, когда пресмыкаются. Интересно, что сейчас выражают мои зрачки? Наверное, в них выпросительный знак, я выпрашиваю у темноты: сколько времени? Страшно, но я его упускаю, однако не все ли равно, где его упускать: здесь, в армии, в ящике или там, на гражданке – в городе, на кухне, в постели, в сети?

наш автобус остановился
у родной гостиницы. Но все-таки классно
мы застряли.
В понедельник всех раскидали
по своим подразделениям, лишь
мы с Филлой не считая в аэро-н
остались в "сборной" до 1 октября!
Теперь встречаемся лишь в столовой
или еще где — есть контакт!

Вы за меня сильно не волнуйтесь —
конечно выдержу (я же с Урала)
это нам стоит. На счет книг мам
ты хорошо приуменьшаешь, как только
в титровке обильнось — затрону пара
готовиться, тем более, что льгот лишние

Альберт, ты уже дома, дай-ка я
тебя поцелую по братански. Падна-я
Что мама-мама?, изменился наш
студент? Наверное, аяяя указал куда-
нибудь на ногу? Он такой. Отдыхай,
конечно, разве я против!

Мама! Поздравляю тебя с каникула-
ми! Позвонитя ты в Ленинград со-
биралась, обязательно соберись, не по-
жалеешь. Билеты куплены? Счастливых
путешествий. А огород ~~не~~ не забывает
ему также переобшила необходима!
Сейчас самый ник солений, или рано-
вато? У нас ягода лесные пошны

Как там наши родственники и
знакаете пошныбанот? Какие на-
вести.

Человеку нужно разнообразие, разные страны, ему не хватает постоянства, которое есть у окна (он разбрасывается, разбрызгивается, разменивается), а у меня и окна-то нет, не предполагал, что так хреново жить без окон, мрачно. Можно прожить без неба, без солнца, но без окон — нет. Окно — это информация, Windows, они на сегодняшний день самые главные окна мира, с занавесками из сетей. Проснулся — сразу к нему, что случилось в мире, что ужасного с ним, что сносно у друзей? Сейчас я могу только придумывать, что там происходит, у меня нет окна (почему в гробах нет окон?) и я не вижу, что ты сейчас делаешь, Мэри. Что она сейчас делает? Кино, наверное, поставила, она любит по вечерам смотреть что-нибудь бескровное, женское. Сейчас я согласен даже на мелодраму, головой прильнув к ее груди, глазами — к экрану. Телек — тоже вариант окна, довольно навязчивый, как и всякая чужая мораль, но время

убить можно. Легче всего его убивать во сне, и первая мысль после пробуждения: сколько времени? Неужели проспал? Черт, ты все проспал, остался только час до конца твоей никчемной жизни. Да если бы мне всего час остался до смерти, всего час, ничего не стал бы менять, проспал бы еще раз. Если можно проспять жизнь, почему бы не попробовать проспять и смерть? Не бросился бы ему, времени, вдогонку, делать хорошие дела, отдавать долги, просить прощения, ловить каждый момент – все это только распрекрасные слова. Казнить себя за убийство времени или помиловать зависит полностью от настроения.

* * *

Люди одного цвета и разного размера, серые и спешащие – кто на работу, кто домой, на диванчик, в телевизор, в тоску, словно мыши, сновали взад и вперед. Их слипшаяся в рокот близкого океана речь притупляла слух. Подъезжавшие электрички отпрыгивали новые массы мрачных, озабоченных одиноких сдвоенных, грустных, духовно и радостных материально, поглощали свежую порцию подобных и пропадали в кишке тоннеля. Я пробовал их взглядом на вкус – нет, невкусные, какие же они невкусные! Некоторые из них пытались заглянуть мне в душу, они останавливались, рылись в карманах, иные, ничего не обнаружив, сочувственно кивали, другие протягивали найденную мелочь, реже – купюры. В отверстиях для глаз ничего, кроме жалости – это все, что осталось у этого народа. Чем больше в человеке жалости, тем меньше самого человека.

Что это со мной – реинкарнация? Лежать было неудобно, и я пытался вытянуться и поменять позу, но одежда, в которую был запеленут, не отпускала, меня держали зеленые рукава женского пальто, я видел смуглый двойной подбородок, ухо и смоляную прядь, торчавшую из-под платка. Мадонна с младенцем сидела на голом полу метро с табличкой о том, что сын болен, и нечем его лечить. Самочувствие мое действительно было не очень, знобило и подташнивало, не было сил разговаривать, и я молчал, все время хотелось пить и спать. Мадонна периодически совала мне в губы бутылочку с желтой смесью сока и алкоголя, и я сосал с жадностью и отчаянием, мозг тяжелел, как подгузник, звуки отдалялись, как эхо, глаза медленно закрывались, как кувшинки на ночь, любуясь своим отражением в воде, а я – в массах, и не любуясь вовсе.

Неожиданно возник человек в форме, женщина его узнала, приподняв меня, вытащила что-то из-за пазухи, он наклонился (я вдруг подумал: «Зачем люди так поклоняются деньгам?») Поклоны все ниже, они уже достигли низости, от которой тошнит, ее уже причисляют к бизнесу, к бизнесу, где ничего личного, только прибыль, но деньги липнут к рукам, это провокация, и совсем не важно, в какой позе человеку это удастся, в форме или голым, лишь бы побольше, он ради них способен на многое, даже на большую любовь. Лозунг о том, что любовь не продается – устарел, деньги и есть любовь, люди в них влюблены и пытаются добиться взаимности, они решили, что если их полюбят деньги, то остальные уже никуда не денутся, даже дети – цветы не растут в нищете. Кому-то ради этого надо просто нагнуться, другим – вставать раньше солнца, входить в пустоту улиц, цехов, мастерских, офисов, тел, кабинетов и заниматься любовью, кем-то другим, нелюбимым делом, сегодня деньги, как никогда, требуют жертв), его рука проглотила купюру, как оголодавший банкомат, он выпрямился и ушел.

Спасибо большое за перебор, очень кстати, просто хочется кино-да чего-нибудь "домашнего" (не мама, совсем не то, что ты членишь, близко, не то), зайдем с ребятами в "чайную", присядем в местном магазине, встретится ступенька (показство №1)

Вот и гитара, появилась в Дубинце, не, душевнотворящий инструмент. Сегодня суббота, однако выходной:

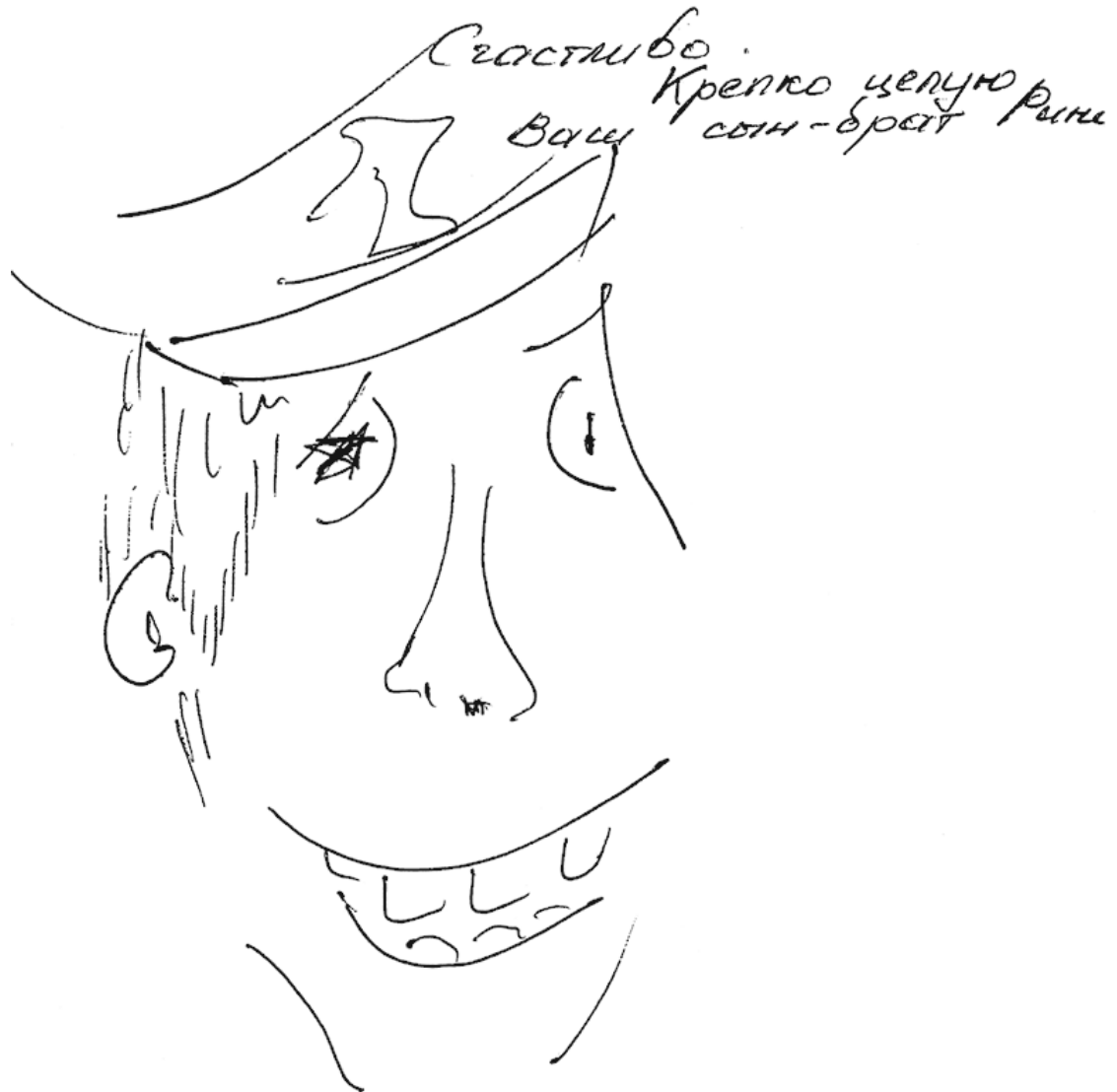
День рождения гаси (45 стукнуло) Лизинь, состав в положенный покой. Зато оркестровый летает: идут командно-штатные учения; генералы прибыли "погостить", местное население с тобой потом поговорю и шуршало, за-протрало

~~Такие~~ Такие "пирог" на день грядущий

Ра, за конверты спасибо, но днях загрузился светом партией больше вездесла не стоит.

массою: морошка, голубика, черника. Для меня эти плоды в диковинку, у нас таких дай в таком количестве не встретишь, а здесь природа дикая, привыкшая лишь к "стрекотне" вертолетов да скрежету танкеток.

Что ты, переметнулся, пора мне.
Мешают маме и Альберт
И маме бодрых будней

Люди одного цвета, одного вкуса, одной безвкусицы, я никогда не думал, что они так похожи, когда в толпе, я был одинок в своих анализах, но эта толпа показалась мне еще более одинокой. Ее выдавливало, как фарш из мясорубки, из вагонов подъезжавших электричек. Серая гидра проползала по залу, разбрасывая свои конечности в приходящие поезда, на эскалаторы, в переходы и исчезала до следующего поезда.

Подшли двое, они были неплохо одеты, один седой и с большим разваливающимся рылом, другой, напротив, сухой и холодный, со стеклянными глазами, был похож на весеннюю сосульку. Мне показалось, что где-то я их уже видел. Но где – я не мог вспомнить. Женщина сразу вздрогнула и засуетилась, вытащила из-под себя пакетик с деньгами и протянула одному из них.

– Это все?

– Да, – выдохнула Мадонна.

– Живой? – повернул он мою голову мясом своей ладони к себе.

– Да, еще дышит, но плохой совсем, водку отрыгивает, выработался, скоро надо будет менять.

– Хорошо, пусть пока работает. Вечером коли ему героин. Думаю, еще протянет какое-то время. Скоро новых должны привезти, так что будет у тебя свежий инструмент.

– Героин кончился. Инвалиды, те, что по вагонам ходят и на трассе, ни х... не хотят работать, пришлось им увеличить дозу, сами убогие, а колют больше, чем здоровые, – пожаловался стеклянный.

– Все стремятся к бесконечности, даже те, кто ее уже достиг, – усмехнулась развалина, потирая руки. – Товара не хватает, все отдаем в школы, там спрос растет день ото дня, куда только родители смотрят.

– Ладно, разберемся, – сказал Сухой. С этими словами их поглотили массы метрополитена.

Я – искусственный наркоман, маленький алкаш, инструмент в образе этого свертка хотел им что-то крикнуть, но в этот момент все поплыло, в легких не осталось воздуха, силы меня покинули, и стало так безразлично, никто не слышит меня в этой толпе, у толпы нет слуха, вялая плесень равнодушия покрыла ее с головы до ног, я уткнулся в зеленую крону мачехи и тихо заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.